

З. К. Темиргазина
Павлодар, Казахстан

«СНЫ РАЗУМА» В КАЗАХСТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается политическая коммуникация как речевая деятельность, изначально преследующая цель воздействия на адресата, его убеждения и побуждения к действиям, а не просто объективного изложения фактов и информирования масс. Анализируются языковые способы и средства создания саркастического смысла и иронии в казахстанском русскоязычном политическом медиадискурсе. Особое внимание уделяется художественно-стилистическим фигурам, основанным на нарушении логических связей: алогизму, антифразису, «доведению до абсурда», катахрезе, апофазии, остраении. Благодаря эффективному использованию этих художественных средств журналисты воссоздают перед глазами читателей сатирическую картину казахстанской политической реальности, для которой абсурдность и алогичность являются не продуктом субъективного восприятия и вымысла отдельного автора, а неотъемлемым сущностным свойством бытия. В статье описывается также индивидуально-авторское переосмысление и применение некоторых стилистических фигур. Автор использует структуру алогизма, которая состоит из двух противоречащих, несовместимых друг с другом по смыслу частей, но противоречие по смыслу на самом деле отсутствует — оба явления сходны или тождественны. Так создается авторская стилистическая фигура «псевдо-алогизма» или «квазиалогизма». Перечисленные приемы воссоздают современную казахстанскую политическую картину мира, характеризующуюся абсурдностью, алогичностью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: казахстанский политический медиадискурс; стилистическая фигура; сарказм; ирония; алогизм; антифразис; «доведение до абсурда»; катахреза; апофазия; остраение; «псевдоалогизм»; аллюзия; перифраза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан); 140002, Казахстан, г. Павлодар, ул. Мира, 60; e-mail: zifakakbaevna@mail.ru.

Роль дискурса СМИ в формировании дискурсивной реальности сегодня многократно возросла в связи с информационной революцией. И тем более заметной в нем становится тенденция к усилению манипулятивного воздействия на массовое сознание. Несомненно, что это затрагивает прежде всего область политического медиадискурса, выполняющего, по мнению В. Клемперера, посредническую функцию и являющегося практически единственным каналом общения между политиками и населением [Клемперер 1998]. Н. Хомский, подчеркивая особую семиотичность политического медиадискурса, назвал его «символической политикой, иначе говоря, политикой неявной, неочевидной для масс» [Chomsky 2004: 5]. Политический медиадискурс является частью политической коммуникации, которая определяется А. П. Чудиновым как «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения» [Чудинов 2006: 6]. Политическая коммуникация изначально преследует цель воздействия на адресата, убеждения и побуждения его к действиям, а не просто объективного изложения фактов, информирования масс.

В связи с этим большой исследовательский интерес представляют способы подачи информации и приемы языкового манипулирования, применяемые в политическом медиадискурсе для активного воздействия на массовое сознание, т. е. «язык как инстру-

мент социальной власти», по выражению Р. Блакара [Блакар 1987]. Вопросы речевого воздействия в социальном и политическом контексте изучаются в науке сегодня достаточно интенсивно [Карасик 1992; Доценко 1997; Кара-Мурза 1999; Стернин 2001; Чернышова 2006; Чудинов 2006 и др.].

Политический медийный дискурс практически всегда основывается на целенаправленном применении разнообразных и многочисленных способов воздействия на сознание широких масс, важнейшими из них являются языковые средства и приемы, формирующие скрытый контекст, иногда не один. Создаваемая смысловая многоплановость политических текстов СМИ расширяет их интерпретационный потенциал, позволяя читателю увидеть не только эксплицитные, но и имплицитные смыслы высказываний, т. е. те «параллельные миры», которые сконструированы автором. Задачей нашей статьи является исследование языковых средств и приемов саркастического характера, выступающих в качестве способа создания событийно-содержательной многоплановости текста и воздействия его на массовое сознание в казахстанском политическом медиадискурсе. Материалом для анализа послужили статьи известного казахстанского политического журналиста Сапы Мекебаева, опубликованные на веб-сайте «Ratel.kz» [Мекебаев].

Влияние на сознание читателя осуществляется за счет закодированной в тексте субъективной авторской позиции, которая, в свою очередь, обуславливает оценочность и эмоционально-аффективный характер политических текстов. Наблюдающийся в наше время кризис нравственных и социальных

ценностей повлек за собой рост тенденции к критическому переосмыслению действительности в обществе, а это, в свою очередь, становится причиной обострения в нем информационного противоборства. Наличие прямой или скрытой критической оценки событий действительности — характерная черта современной прессы. Борьба за умы читателя, идущая сегодня в политическом медиадискурсе Казахстана, требует от журналистов использования все более широкого круга нетривиальных вербальных способов воздействия, особенно сатирической направленности.

К одному из видов сатирического обличения действительности относят сарказм (греч. *sarkasmos* от *sarkazo*, букв. «рву мясо»), который отличается беспощадностью, резкостью, язвительностью по отношению к изобличаемому [Алешина 2012]. Несмотря на острую критическую направленность, сарказм строится на осмеянии, насмешке (см., например, пословицу: *Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву*), т. е. является частью смеховой культуры народа. Сарказм сближается с сатирой в своей конечной цели — борьбе с негативными враждебными явлениями действительности через их осмеяние. Приведем одно из мнений о месте смеха в современном обществе: «Смеховая культура как бы накладывается отдельным пластом на „серьезную“. Юмор, сатира, прикол, хохма, ирония, гротеск — эти смеховые формы проглядывают сквозь почти все культурные явления. Почти каждая статья о политике, или экономике, или обществе — непременно имеет в себе смешной намек или иронию. В порой самом серьезном фильме — обязательно есть приколы. Банальный деловой разговор — не мыслим без хоть каких-то смешных вещей. Мы за последние десятилетия настолько привыкли к смеховой составляющей, что без нее те или иные вещи нам кажутся пресными и неинтересными» [Kondraty 2012].

Сравнивая сарказм и иронию, можно отметить, что они сходны в том, что строятся на усиленном контрасте подразумеваемого и выражаемого, но сарказм требует немедленного намеренного обнажения подразумеваемого смысла и поэтому всегда включает в свою структуру элемент экспликации подразумеваемого. «Вопрос о том, является ли сарказм лишь одной из форм реализации иронии или он в значительной степени отличается от нее характером выражаемой им оценки, остается до сих пор открытым. Большинство исследователей сходятся во мнении, что сарказм — это подвид иронии, крайняя ее точка», — пишет А. С. Костыгова

[Костыгова 2013: 102]. Она также полагает, что к семантико-прагматическим параметрам сарказма, отличающим его от иронии, можно отнести объект саркастической оценки. Если ирония может быть направлена на ситуацию, стечение обстоятельств, то объектом саркастической насмешки всегда является сфера человека, так как сарказм обусловлен прагматическими и социальными факторами, которые релевантны лишь тогда, когда речь идет о человеке [Костыгова 2013: 102].

К различиям сарказма и иронии можно отнести и эмоциональный посыл автора: если автор саркастического высказывания руководствуется высшей степенью негодования, причем открытого, то в ироническом высказывании говорящий не проявляет негативных эмоций подобной интенсивности и не стремится к их явному обнажению, скорее он их маскирует под внешне благообразной формой.

Благодаря своей открытой обличительной направленности сарказм широко используется в условиях современной острой политической борьбы. Рассмотрим некоторые распространенные в казахстанской политической журналистике языковые средства создания сарказма, анализируя статьи известного оппозиционного журналиста Сапы Мекебаева [Мекебаев 2016]. В качестве основной приметы его индивидуально-авторского стиля, отличающегося богатством и разнообразием художественно-стилистических приемов сатирическо-саркастической направленности, отметим предпочтение, которое журналист отдает специфическим стилистическим фигурам, основанным на нарушении логических связей: антифразису, алогизмам, катахрезе, апофазии, остраниению и т. п. Благодаря эффективному использованию перечисленных художественных средств, журналист воссоздает перед читателями сатирическую картину казахстанской политической реальности, для которой абсурдность и алогичность являются не продуктом субъективного восприятия и вымысла отдельного автора, а неотъемлемым сущностным свойством бытия. Автор только помогает читателю увидеть это в отдельных разрозненных фактах, выстраивая целостную картину и опираясь на его фоновые знания, образное мышление, языковую интуицию. Для этого в распоряжении журналиста находится целый арсенал художественно-стилистических фигур и средств, построенных на подчеркивании алогичности, абсурдности явлений окружающей действительности.

Как известно, логические связи нарушаются в ходе сближения контрастивных поня-

тий, либо изменения привычного взгляда на вещи, явления, события, либо представления абсолютно совместимых понятий как чего-то противоречивого, несовместимого, странного, либо противопоставления смысла высказывания и интонации. «В основу саркастически-иронического употребления заложен принцип семантической двуплановости, который формируется за счет узуальных иokkaзиональных, прямых и переносных значений. Между узуальными иokkaзиональными значениями, в результате иронической трансформации семантики слова, возникают отношения несоответствия, противоречия, которые и служат основой возникновения импликации определенного содержания, выступающей в виде авторской субъективной оценки предметов и явлений действительности, что как раз и является механизмом создания иронии» [Цепордей 2016].

В алогизме, типичном для журналиста стилистическом приеме, логические связи нарушаются с целью умышленного подчеркивания существующего противоречия. В саркастическом ироническом оценочном высказывании используются языковые средства, сами по себе нейтральные, приобретающие негативно-оценочный смысл лишь в комплексе и в проекции на общий контекст коммуникативной ситуации. Например:

1) Я лично **безоговорочно верю** в рекордные надои Досмухамбетова, поскольку **своими глазами не видел**, как он ежедневно выжимает по 7 ведер молока из отдельно взятого коровьего вымени [Мекебаев 2016е];

2) Им что министра похвалить, что проститутку поругать — всё без **страха дается** [Мекебаев 2016е];

3) Как нам стало известно из **надежных источников, не вызывающих доверия**, аким Восточно-Казахстанской области Даниял Ахметов будет привлечен к строгой ответственности за превышение мер необходимой самообороны от критики и покушение на свободу слова в группе лиц по предварительному сговору [Мекебаев 2016в].

4) Детям взрослым, говорит, помочь не могу — **„возможность ограничена“**. Уже март наступил, а он, как сам признается, еще с осени до сих пор **в одной и той же куртке ходит**, потому что **„нет другой“**. Карагандинские пенсионеры, успевшие за зиму **сменить по несколько дубленок и норковых шуб**, очень сочувствуют бедному акиму [Мекебаев 2016а].

Рассматриваемые алогизмы саркастического характера порождают многочисленные смысловые приращения, позволяющие чи-

тателям расшифровывать обличительную направленность высказываний, в которых высмеиваются глупость и лицемерие высокопоставленных чиновников и политических деятелей.

Нами обнаружено очень своеобразное, чисто авторское — «мекебаевское» — преобразование этой стилистической фигуры, которое мы терминизировали бы как «псевдоалогизм» или «квазиалогизм». Автор воссоздает структуру алогизма, которая состоит из двух противоречащих, несовместимых друг с другом по смыслу частей, подчеркивая противопоставление употреблением противительного союза «но». А противоречие по смыслу на самом деле отсутствует — оба явления сходны или тождественны, что подтверждается лексическими повторами или однокоренными номинациями якобы противопоставляемых понятий: *Когда твоя фамилия засветилась в списках скандального „панамского дела“, надо как-то объяснить это, а не хамить — журналисты не злопамятные, но злые, и память у них хорошая* [Мекебаев 2016д].

Еще одним характерным для сатиры С. Мекебаева стилистическим средством выступает **апагогия — доведение до абсурда**. Абсурд (от лат. *absurdus* — не звонкий) в обычном значении — бессмысленный, нелогичный, престапующий границы дискурсивного рассудка. Так, «сведение к абсурду» означает выявление скрытой бессмыслицы утверждения через последовательное выведение следствий из мысли, лежащей в предпосылках. «Сводить что-либо к абсурду значит следовать за оппонентом с целью его опровержения, вернее даже, идти за ним до самого конца, пока он сам себя не опровергнет. Логически состоятельное, философской ценности подобное доказательство не представляет. И следствия, и абсурдность чего-либо всегда могут служить предметом спора», — пишет Андре Конт-Спонвиль [Конт-Спонвиль 2012: 21]. Приведем примеры «доведения до абсурда»:

1) *Прежде чем беспокоить премьера и генпрокурора, надо было продумать, как на практике будут приводиться в исполнение вердикты о телесных наказаниях. Скажем, публичные порки, разумеется, надо назначать на выходные дни и проводить их на центральных площадях городов при большом стечении народа. Для битья провинившегося по ягодицам, бедрам или спине рекомендуется использовать розги, ремни, плети, кнуты, батоги, ротанговые трости и шпицрутены. Особо злостных нарушителей ПДД следует доставлять в парламент в дни совместных заседаний палат*

и пропускать их через строй депутатов, чтобы каждый мажилисмен и сенатор мог шлепнуть их по попкам своим мандатом, а Бектас Бекназаров шел бы следом и считал шлепки [Мекебаев 2016г];

2) Председатель сената Касым-Жомарт Токаев оставил такую запись в Twitter: „Теракт в Актобе в канун святого Ораза (экономист Ораз Жандосов вздрогнул и перекрестился. — С. М.) — проявление крайнего цинизма и жестокости бандитов. Принимаются самые жесткие меры для их наказания“.

При всем уважении к выдающейся со всех сторон личности нашего сенатского спикера, его критерий оценки нравственных качеств бандитов вызывает вопросы.

По его логике, если теракт совершается накануне священного поста — это, значит, крайний цинизм и жестокость.

А если террористы станут злоумышлять в обычные будни, это что — проявление крайней сентиментальности и милосердия?

Можно ли, например, какие-нибудь мелкие профессиональные праздники также относить к скоромным датам, когда можно что-нибудь взорвать с гуманистическими целями? [Мекебаев 2016ж];

3) Он пообещал убрать машины со всех обочин дорог и из дворов жилых домов. Где будут стоять более полумиллиона автомобилей, только официально зарегистрированных в южной столице, аким не сказал. Это уже не его дело. Надо бы ему еще запретить плевать против ветра после 11 вечера — примерно такая же степень эффективности решения будет [Мекебаев 2016д].

Своим излюбленным приемом журналист показывает, как высказывания политических деятелей, казалось бы, вполне соответствующие здравому смыслу, но последовательно доведенные до логического завершения, проявляют свою скрытую бессмыслицу и абсурдность, изобличая несостоятельность и ограниченность людей, их произносящих.

Антифразис, который базируется на контрасте видимого и скрытого смысла выражения, в приведенных ниже примерах передает тонкую насмешку автора, прикрытую внешней учтивостью:

1) Впрочем, на свежие идеи Байбек и без нас богат.

„Сегодня 86 сотрудников акимата пересядут на велосипеды, — **пофантазировал** он. — Я сам планирую сесть на велосипед. Если мы не покажем пример, кто его покажет?“ **Вероятно, для акима наймут**

велорикшу — кто-то же должен крутить педали [Мекебаев 2016а];

2) Молодой аким Алматы Бауыржан Байбек, **сам порой не осознавая собственной мудрости**, временами **выдает фразы**, имеющие куда более глубокий контекст, нежели он мог предполагать. Например, в числе главных достоинств нового фонтана, который будет разбит в честь тысячелетнего юбилея города, он назвал возможность „бегать между его струйками“ [Мекебаев 2016д].

В антифразисе слова употребляются в привычном значении, но иногда рядом с ними появляется лексема, дающая возможность нового прочтения семантики выражения, изменяющее его значение на противоположное, как в примере 1 лексема **пофантазировал** позволяет читателю интерпретировать все сказанное акимом как не вызывающее доверия, нереалистичное, невыполнимое. Эта импликация закрепляется в последующем ироническом высказывании о том, что для акима наймут велорикшу, потому что ведь надо кому-то крутить педали.

Для интерпретации скрытой негативной оценочности иронических и саркастических высказываний автор подает читателям своеобразные сигналы, в роли которых выступают языковые средства, мешающие буквальному восприятию сказанного и вызывающие диссонанс на пропозициональном уровне. В примере 1 таким сигналом выступило слово **пофантазировал**. В примере 2 подобную «провоцирующую» функцию выполняет слово **выдает (фразы)**, которое добавляет в смысловое поле текста ассоциации с несерьезным, легкомысленным отношением и поведением, см. идиомы русского языка: **выдает номера, выдал очередной опус, выдает остроты**.

Катахреза строится на сочетании неконтрастных по природе понятий, ситуаций для создания большей художественной выразительности. Хотя понятия неконтрастны, но в тексте они вступают в противоречие, поддерживаемое отдаленными ассоциациями, заданными автором, поэтому они алогичны, непредсказуемы и создают оригинальные образы давно знакомых предметов, явлений.

Сергей Кулагин, два года назад **верховой милостью рукоположенный в акимы Акмолинской области** и чей святой лик однажды замироточил на фреске кафедрального собора города Рудного, на очередном мирском заседании грозит директору озеленительной конторы: „Дерева если засохнут, я тебе грабли оторву!“ **Паства хохочет**, униженный директор прячет свои грабли за спину и тоже

смеется хамской выходке **областного архиерея** [Мекебаев 2016д].

Сарказм автора в описываемой ситуации основывается на пересекающемся совмещении религиозных и административных понятий, в принципе не находящихся в непримиримом противоречии: *аким — архиерей, архиерей — директор озеленительной конторы, святой лик замироточил — хамская выходка, грозит*. Катахреза выражается в таких словосочетаниях, как *верховой милостью рукоположенный в акимы Акмолинской области, областной архиерей, паства хохочет, очередное мирское заседание* и т. п., а также в контрастном использовании высокого и разговорно-просторечного стилей изложения: *верховой милостью рукоположенный, святой лик замироточил — грабли оторву, хохочет*.

Здесь на первый план выходят язвительная насмешка, автор критикует хамское поведение руководителя области, унижающего подчиненных, создавая типичный образ чиновника, осознающего свою полную безнаказанность.

Остраннение (или «очуждение») построено на представлении привычного предмета, явления не в обычном контексте, а как бы вырванным из него, что делает его непохожим, неузнаваемым. Автор использует эффект «свежего взгляда» на привычное, что меняет наши представления о нем и создает новый образ:

А транспортный апокалипсис будущего Алматы, наверное, будет выглядеть так.

На Восточной объездной дороге из-за гололеда столкнулись несколько велосипедистов, не успевших переобуться в зимнюю резину, — образовался многокилометровый затор. На проспекте Абая двое водителей навороченных самокатов, отпрысков высокопоставленных чиновников, устроили гонку на выделенной полосе, парализовав движение экологически чистого гужевого транспорта. Полиция перекрыла центр города — Байбек на байке (электрическом) в сопровождении чиновников на трехколесных великах объезжает объекты Универсиады.

Бисмарку приписывают слова, что никогда столько не лгут, как во время войны, после охоты и до выборов. А у нас как раз война за мир, выборы и всем охота [Мекебаев 2016а].

Сапа Мекебаев с помощью приема остраниения создает сюрреалистическую и одновременно юмористическую (*движение экологически чистого гужевого транспорта; из-за гололеда столкнулись несколько велосипедистов, не успевших переобуться*

в зимнюю резину; чиновники на трехколесных великах; Байбек на электрическом байке) картину транспортного апокалипсиса мегаполиса, которая в то же время разбавлена чрезвычайно реалистическими и узнаваемыми казахстанцами реалиями и деталями (*отпрыски высокопоставленных чиновников, устроили гонку на выделенной полосе, полиция перекрыла центр города, на Восточной объездной дороге*).

Автор с издевкой изобличает власть, далекую от подлинных нужд народа, жестко критикуя стиль руководства высокопоставленных чиновников, ответственных за благополучие огромного города.

При **апофазии** в конце строфы, абзаца или целого произведения высказывается мысль, противоречащая сказанному в начале, т. е. автор как бы противоречит самому себе. Например: *В Алматы изгоняют бесов капитализма и давят бульдозером идеологическую ересь, которую несут видеокассеты и диски с продукцией западной киноиндустрии. Главным инквизитором назначен руководитель предвыборного штаба КНПК Айкын Конуров. При этом ни итальянские костюмы, ни швейцарские часы, ни американские айфоны коммунистов не пострадали* [Мекебаев 2016а].

Особое место в творчестве Сапы Мекебаева, создающего сатирический образ современной казахстанской политической действительности, занимают **аллюзии**. Широко известные литературные образы, произведения, кинофильмы, фрагменты пословиц естественным образом вкрапляются в текст, отсылая читателя к своему источнику и вызывая у него устойчивые ассоциации. Например:

1) *Пока депутаты видят сны разума, они безопасны. Ради политической стабильности и междоусобицы согласия нельзя им думать, говорить и, тем более, что-то делать. Стоит кому-то из них временно выйти из анабиоза, как вся страна лишится покоя* [Мекебаев 2016г];

2) *Еще ни одна корова не мычала против, когда ей говорили, что она дает 72 литра молока* [Мекебаев 2016е];

3) *Конечно, дать отлуп проституткам — тоже позиция. Только конкретной пользы для общества от этого мало* [Мекебаев 2016е].

В примере 1 использование выражения *сны разума* порождает ассоциацию с названием известного офорта испанского художника Франсиско Гойи «Сон разума рождает чудовищ». Пример 2 отсылает читателя к разговорному идиоматическому выражению «чья бы корова мычала», которое ис-

пользуется в значении «лучше помолчал бы, сам не без греха». В 3-м примере аллюзия построена на отсылке к роману Михаила Шолохова «Поднятая целина», в котором юмористический персонаж дед Шукарь на собрании «дает отлуп» кандидату вместо того, чтобы «дать отвод».

Аллюзии используются и в заголовках статей «*Темирхан Досмухамбетов — дояр авторитетный*», «*Благочестивый Токаев*». В первом случае словосочетание *дояр авторитетный* ассоциируется с репликой героя фильма «Джентльмены удачи»: «Ты, конечно, Доцент, вор авторитетный»; во втором случае возникает ассоциация с названием фильма «Благочестивая Марта» по пьесе де Молина.

Но особенность индивидуального стиля Сапы Мекебаева проявляется в том, что он использует аллюзию не просто как отдельный стилистический прием в тексте, а строит на ней весь текст целиком, закладывая в основу построения сюжета, описания поведения героев, характеристику персонажей. Ассоциативный феномен аллюзии как бы выстраивает параллельный сатирический план текста и дает читателям стереоскопическую объемную картину события, в которой беспощадно, со всей возможной остротой высвечивается абсурдность происходящего. Целиком построена на аллюзии его статья «Донна Гульжана нарушила омерту», в которой описание обычного парламентского заседания ассоциативно перекликается с сюжетом известного романа Марию Пьюзо «Крестный отец» и фильмом, снятым по нему. Выстраивается ряд ассоциаций: государственные деятели — главари мафии, депутат Карагузова — донна Гульжана, государственные органы — мафиозные кланы; с сарказмом и иронией используется специфическая лексика: *закон омерты, консье́ри, донна, объявить вендетту, местные кланы* — и фразы-аппликации: «*предложение, от которого нельзя отказаться*», «*В общем, ничего личного — только бизнес, как говорят в некоторых сицилийских семействах*» [Мекебаев 2016б].

Мастерство политической сатиры журналиста проявляется и в тонком, стилистически оправданном использовании перифразы, когда одно и то же явление именуется целым рядом номинаций, отличающихся друг от друга саркастически-ироническими смысловыми приращениями. Например: *проститутки — путаны — самоотверженные труженицы сексуального фронта — работницы коммерческого секса* [Мекебаев 2016е]; *депутат Карагузова — „донна Гульжана“ — заслуженный ветеран депу-*

татского корпуса — человек запредельной честности и отваги [Мекебаев 2016б].

Как известно, сарказм позволяет говорящему достигать максимального эффекта в том случае, когда адресат в процессе интерпретации саркастического смысла опирается на контекст и предыдущий коммуникативный опыт, т. е. успешно оперирует как лингвистическими, так и экстралингвистическими знаниями.

Ряд исследователей говорят о незначительности юмористической и позитивной составляющей в сарказме или даже полном отсутствии ее. Но современная казахстанская политическая сатира, активно эксплуатирующая средства и приемы саркастической направленности, беспощадно и остро обличая недостатки и уродства окружающей действительности, остается позитивной, доброй, вызывающей смех как катарсис, смех сквозь слезы, который М. М. Бахтин определил как «очищающий смех». Что стоит только пожелание в конце каждой статьи Сапы Мекебаева «Берегите себя!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина Е. Ю. Сарказм и ирония в тексте англоязычного политического анекдота и шутки // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. Белинского. 2012. № 27. С. 170—175.
2. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987.
3. Доценко Е. П. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо, 1997. 344 с.
4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 1999.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. 330 с.
6. Клемперер В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. — М.: Прогресс-Традиция, 1998. 381 с.
7. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е. В. Головиной. — М., 2012.
8. Костыгова А. Ф. Лингвопрагматические и стилистические особенности высказываний с саркастическим смыслом // Изв. РГПУ им. Герцена. 2013. № 160. С. 101—107.
9. Мекебаев С. Ratel.kz. URL: <http://ratel.kz/asiope> (дата обращения: 18.07.2016).
10. Мекебаев С. Байбек на байке // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016а. 1 марта. URL: http://www.ratel.kz/asiope/baybek_na_bayke.
11. Мекебаев С. Донна Гульжана нарушила омерту // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016б. 6 апр. URL: http://www.ratel.kz/asiope/donna_guljana_narushila_omertu.
12. Мекебаев С. Как зачищают сайты // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016в. 20 апр. URL: http://ratel.kz/asiope/kak_zachischayut_saytyi.
13. Мекебаев С. Публичная порка чепухи // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016г. 22 апр. URL: http://ratel.kz/asiope/publichnaya_porka_chepuhi.
14. Мекебаев С. Уринотерапия зрения // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016д. 12 мая. URL: http://ratel.kz/asiope/urinoterapiya_zreniya.
15. Мекебаев С. Темирхан Досмухамбетов — дояр авторитетный // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016е. 19 мая. URL: http://ratel.kz/asiope/temirhan_dosmuhambetov_doyar_avtoritetnyi.
16. Мекебаев С. Благочестивый Токаев // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016ж. 6 июня. URL: http://ratel.kz/asiope/blagochestiviy_tokaev.
17. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. — Воронеж, 2001.

18. Цепордей О. В. Ирония как категория художественного текста (на материале языка романов Е. М. Ремарка и их переводов на русский язык). URL: <http://www.em-remarque.ru/library/ironiya-kak-kategoriya-hudozhestvennogo-teksta.html> (дата обращения: 26.07.2016).

19. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. — М.: Флинта, 2006. 136 с.

20. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта, 2006. 256 с.

21. Chomsky N. Language and Politics / ed. by Carlos P. Otero. — Edinburgh, 2004. 802 p.

22. Kondratyov. Смеховая культура в современном информационном обществе // Livejournal. 2012. 15 авг. URL: <http://kondratyov.livejournal.com/114345.html> (дата обращения: 22.07.2016).

Z. K. Temirgazina
Pavlodar, Kazakhstan

“DREAMS OF REASON” IN KAZAKHSTAN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

ABSTRACT. *The article deals with political communication as not merely an objective presentation of the facts and information to the masses but as a speech activity originally designed to make an impact on the recipient, his or her beliefs and motivation for actions. The linguistic methods and tools for creating the sarcastic sense of irony in Kazakhstan Russian-speaking political media discourse are analyzed. Particular attention is paid to the stylistic figures, based on the violation of logical connections: alogism, antiphrasis, "reductio ad absurdum", catachresis, estrangement. Through the effective use of these means of expression, the journalists recreate a satirical picture of Kazakhstan political reality. In this reality the absurdity and incoherence are not the product of the subjective perception and fiction of the individual author, but they are an integral part of the essential feature of existence. The article also describes the author's individual rethinking and the use of certain stylistic figures. The author uses the structure of alogism that consists of two contradictory parts which are mutually incompatible. In reality the contradiction is actually missing — both phenomena are similar or identical. This is the way how the author's stylistic figure "pseudo illogic" or "quasi-illogic" is created. These techniques recreate a modern Kazakh political picture of the world, characterized by absurdity, and illogicality.*

KEYWORDS: *Kazakhstan political media discourse; stylistic figures; sarcasm; irony; illogic; antiphrasis; "reductio ad absurdum"; catachresis; estrangement; "pseudo illogic"; an allusion; periphrasis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Temirgazina Zifa Kakbaevna, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language and Literature, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan.*

REFERENCES

1. Aleshina E. Yu. Sarkazm i ironiya v tekste angloyazychnogo politicheskogo anekdota i shutki // Izv. Penz. gos. ped. un-ta im. Belinskogo. 2012. № 27. S. 170—175.
2. Blakar R. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M., 1987.
3. Dotsenko E. P. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. — M.: CheRo, 1997. 344 s.
4. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M., 1999.
5. Karasik V. I. Yazyk sotsial'nogo statusa. — M.: In-t yazykoznanija RAN, 1992. 330 s.
6. Klemperer V. Yazyk Tret'ego reykh. Zapisnaya knizhka filologa. — M.: Progress-Traditsiya, 1998. 381 s.
7. Kont-Sponvil' A. Filosofskiy slovar' / per. s fr. E. V. Golovinoi. — M., 2012.
8. Kostygova A. F. Lingvopragmaticheskie i stilisticheskie osobennosti vyskazyvaniy s sarkasticheskim smyslom // Izv. RGPU im. Gertsena. 2013. № 160. S. 101—107.
9. Mekebaev S. Ratel.kz. URL: <http://ratel.kz/asiope> (data obrashcheniya: 18.07.2016).
10. Mekebaev S. Baybek na bayke // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016a. 1 marta. URL: http://www.ratel.kz/asiope/baybek_na_bayke.
11. Mekebaev S. Donna Gul'zhana narushila omeru // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016b. 6 apr. URL: http://www.ratel.kz/asiope/donna_gulzhana_narushila_omertu.
12. Mekebaev S. Kak zachishchayut sayty // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016v. 20 apr. URL: http://ratel.kz/asiope/kak_zachishchayut_sayty.

13. Mekebaev S. Publichnaya porka chepukhi // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016g. 22 apr. URL: http://ratel.kz/asiope/publichnaya_porka_chepuhi.
14. Mekebaev S. Urinoterapiya zreniya // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016d. 12 maya. URL: http://ratel.kz/asiope/urinoterapiya_zreniya.
15. Mekebaev S. Temirkhan Dosmukhambetov — doyar avtoritetnyy // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016e. 19 maya. URL: http://ratel.kz/asiope/temirhan_dosmukhambetov_doyar_avtoritetnyy.
16. Mekebaev S. Blagochestivyy Tokaev // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016zh. 6 iyunya. URL: http://ratel.kz/asiope/blagochestivyy_tokaev.
17. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdeystvie. — Voronezh, 2001.
18. Tsepordey O. V. Ironiya kak kategoriya khudozhestvennogo teksta (na materiale yazyka romanov E. M. Remarka i ikh perevodov na russkiy yazyk). URL: <http://www.em-remarque.ru/library/ironiya-kak-kategoriya-hudozhestvennogo-teksta.html> (data obrashcheniya: 26.07.2016).
19. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. — M.: Flinta, 2006. 136 s.
20. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M.: Flinta, 2006. 256 s.
21. Chomsky N. Language and Politics / ed. by Carlos P. Otero. — Edinburgh, 2004. 802 p.
22. Kondratyov. Smekhovaya kul'tura v sovremennom informatsionnom obshchestve // Livejournal. 2012. 15 avg. URL: <http://kondratyov.livejournal.com/114345.html> (data obrashcheniya: 22.07.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.